

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-238-249

ГУСТАВ СТЕФФЕН КАК СОЦИОЛОГ И ПОЛИТИК*

С.А. Гриценко, Н.И. Чернова

Московский технологический университет (МИРЭА)
Просп. Вернадского, 78, Москва, Россия, 119454
(e-mail: gricenko@mirea.ru, chernova@mirea.ru)

Целью статьи является проведение комплексного анализа научного и публицистического наследия шведского социолога Густава Стеффена, его научной и общественно-политической деятельности в контексте шведской и общеевропейской истории рубежа XIX—XX веков. Материалами для статьи послужили научные и публицистические работы Г. Стеффена, отзывы современников на его труды, материалы прессы и ряд официальных актов шведского парламента (риксдага), депутатом которого он был. Методология Стеффена в разные периоды его творчества вобрала в себя элементы марксизма, «элитистских» идей Ницше, традиции немецкой социологической школы М. Вебера и Г. Зиммеля, а также «интуитивной философии» А. Бергсона. В целом социологию Стеффена следует считать тяготеющей к теоретическому макроанализу социума в его историческом развитии. Несмотря на то, что Стеффен стал первым профессором социологии в шведской истории (1902), ему не удалось создать собственную научную школу. С его смертью в 1929 году развитие социологии в Швеции прервалось почти на двадцать лет. Лишь после Второй мировой войны сформировалась школа Т. Сегерштедта (младшего), опиравшаяся по большей части на американскую традицию. Во многом причиной научной изоляции Стеффена стала его твердая прогерманская позиция в годы Первой мировой войны. Примыкая к лагерю «активистов», он стремился втянуть Швецию в войну на немецкой стороне, но потерпел неудачу и фактически завершил политическую карьеру в начале 1920-х годов. Есть ряд черт, которые современная шведская социологическая традиция унаследовала от Стеффена — «бергсонизм», следствием которого стало внимание к социальным обстоятельствам жизни отдельного человека, принципиальная «историоцентричность» и междисциплинарность. Все это позволяет считать Стеффена подлинным пионером социологии в Швеции, многие идеи которого сохраняют свою актуальность по сей день.

Ключевые слова: Густав Стеффен; Торгни Сегерштедт (мл.); история социологии; шведская социология; история Швеции; Первая мировая война; «прогерманизм»; внутренняя и внешняя политика Швеции

Пожалуй, в истории любой современной научной дисциплины существуют своеобразные «темные пятна» — забытые, не востребованные потомками имена, идеи, концепции, подходы. История социологии, выделившейся в отдельную науку из комплекса обществоведческих дисциплин примерно полтора столетия назад, достаточно ярко доказывает данный тезис: одни концепции признаются ведущими, другие уходят в тень вместе со своими сторонниками (как правило, уже умершими) и признаются своего рода анахронизмом. При этом есть и такие имена в истории социальной мысли, которые остаются практически забытыми по сей день даже в рамках своей страны и национальной исследовательской школы, не говоря уже о международном признании.

* © Гриценко С.А., Чернова Н.И., 2017.

К числу последних относится имя Густава Фредрика Стеффена (1864—1929) — крупного ученого, который даже в родной Швеции малоизвестен и является, по выражению современного социолога И. Эрикссона, представителем «скрытой» (шв. *dold*), истории шведской социальной науки. Парадокс ситуации состоит в том, что общеизвестная история шведской социологии начинается в 1947 году с открытия кафедры социологии в Стокгольме под руководством Торгни Сегершtedта-младшего, последователя Т. Парсонса. Однако еще в 1902 году в университете Гетеборга профессором политэкономии и социологии стал Густав Стеффен, однако этот факт в лучшем случае лишь формально упоминается в большинстве справочников [5].

Почему так произошло? Представляется, что ответ на данный вопрос может дать краткое исследование творческого пути Г. Стеффена в контексте истории шведской науки, а равно и политики, так как Стеффен был не только исследователем, но и плодотворным политическим публицистом и даже некоторое время депутатом национального парламента. Целью статьи является попытка комплексного анализа научного и публицистического наследия ученого, его научной и общественно-политической деятельности в контексте шведской и общеевропейской истории конца XIX — первых десятилетий XX века. Материалами, которые помогут нам в изучении данной проблемы, являются, в первую очередь, научные, журналистские и публицистические работы Стеффена, во вторую — отзывы современников на труды ученого, а также материалы прессы того времени. Наконец, вспомогательным источником информации могут стать и официальные акты парламента, членом которого в 1910—1916 годы был Стеффен.

К сожалению, имя и труды Стеффена к настоящему моменту практически не известны в России — соответственно, нами не обнаружено посвященных ему монографий отечественных ученых-обществоведов. Деятельность Стеффена упоминается отечественными историками-скандинавистами А.С. Каном [4], И.Н. Новиковой [6], С.А. Гриценко [2; 3] в контексте обсуждения общественно-политических дискуссий начала XX века, проходивших в Швеции и посвященных внешнеполитической ориентации страны (Стеффен был сторонником прогерманского курса).

В Швеции долгие десятилетия имя ученого можно было найти лишь в биографических справочниках, и единственным исключением была обстоятельная монография Оке Лилльестама [11]. Усилиями Пера Виссельгрена [22], Санья Магдалени [12], Ингалиллы Эрикссона [8] в последние десятилетия ситуация начала изменяться к лучшему, в результате чего фигура гетеборгского исследователя постепенно занимает достойное место подлинного родоначальника шведской социологии [22. S. 112].

Густав Фредрик Стеффен родился 4 мая 1864 года в Стокгольме, в достаточно судьбоносное для европейской науки время — в том же году в Германии родился Макс Вебер, под влиянием которого во многом будет проходить позднейшая научная деятельность Стеффена, а всего семью годами ранее — Георг Зиммель, с которым шведский ученый состоял в длительной переписке. Отец Г. Стеффена, служащий таможни, не признал незаконнорожденного сына, однако у способного

мальчика нашлись покровители [10], и в 1883 году он начал учебу в Стокгольме, но вскоре перебрался в Германию, где изучал сначала естественные науки (химию и минералогию) в Ахене, а затем — в Горной Академии в Берлине [20]. Вскоре интересы юноши изменились: в 1885—1887 годы Стеффен, работая ассистентом в Горной академии, параллельно изучал политэкономии в Берлинском университете. В следующее десятилетие он продолжит изучение социальных наук в Лондоне (1887—1897), Флоренции (1897—1902), а также в Мюнхене и Ростоке. Тем самым молодой ученый ознакомился с научными достижениями практически всех тогдашних ключевых центров становления и развития социологической науки (кроме Франции), став своего рода «ученым-космополитом» [10].

Все же одна из научных держав Европы привлекала Стеффена в наибольшей степени. Речь идет о Германской империи — молодой, амбициозной континентальной державе, которой в силу ряда исторических причин симпатизировали многие образованные шведы, видя в ней потенциальный противовес как английской гегемонии на море, так и российской экспансии на Запад. С самого начала своей научной и политической деятельности Стеффен завязал прочные личные контакты с берлинской профессурой и рядом немецких политиков [9. S. 256], а в 1902 году он успешно защитил докторскую диссертацию в университете Росток. Видимо, именно в то время его впервые привлекла «душевность» и «организаторский гений» немецких ученых — качества, которые он позднее счел ключевыми элементами немецкой и европейской культуры в целом [3; 17. S. VI—VII].

Впрочем, в сфере идейного воздействия на молодого исследователя с Германией вполне могла соперничать Великобритания, в которой он провел суммарно более десяти лет в качестве студента и корреспондента влиятельной гетеборгской газеты. «Становление Стеффена как ученого... произошло в Германии и Англии под влиянием национальных исследовательских традиций» этих стран», — с данным тезисом С. Магдалени трудно не согласиться [12. S. 91].

В Англии Стеффен сблизился с «Фабианским обществом», был лично знаком с Б. Шоу и многими левыми политиками. Исследовательские же его интересы концентрировались на таком прикладном предмете, как условия жизни наемных рабочих и их сложные взаимоотношения с хозяевами фабрик [20]. Неудивительно, что в своих первых работах — «Рабочий вопрос в промышленности» (*Den industriella arbetarfrågan*, 1889), «Нормальный рабочий день» (*Normalarbetsdagen*, 1891), «О современной Англии» (*Från det moderna England*, 1893) — Стеффен предстает с точки зрения методологии как ученый-эмпирик, находящийся под сильным влиянием марксизма [10]. В то время Стеффен еще идеалистически уповал на мирное разрешение конфликтов между рабочими и фабрикантами, подчеркивая роль моральных ценностей в предпринимательской деятельности (идея, популярная в общественных науках того времени и сохраняющая отчасти актуальность [1. С. 67—68]).

В более поздней работе «Англия как великая держава и государство культуры» (1898) Стеффен, проведя анализ истории возникновения и развития рабочего движения в Англии, приходит к выводу, что подлинность «демократического»

устройства Великобритании на рубеже веков вызывает серьезные сомнения, а скрытый «аристократизм» ее формы правления может довести ее до больших социальных проблем [16. S. IV]. Но все же Стеффен уповал на ее скорейшую демократизацию, приобщение массы трудового английского народа к управлению своей страной. Особенно важным ученый считал тот факт, что только демократическая Англия сможет быть по-настоящему миролюбивой державой, благосклонной к нуждам и потребностям «малых» стран Европы (в том числе его родной Швеции) [16. S. 218].

Также в 1890-е годы Стеффен испытал мощное влияние «элитистских» воззрений Ф. Ницше, которые он стремился сочетать с социалистическими идеями. В действительности, молодой Стеффен отнюдь не был «мыслителем одной идеи», его круг интересов в общественных науках был очень значителен, как и количество стран, в которых он успел поработать [22. S. 78].

Обобщением научных изысканий Стеффена в тот период стала докторская диссертация «О покупательской способности взрослых мужчин-рабочих в Англии в 1760—1830-е годы», которую он поехал защищать в полюбившуюся ему Германию. В 1902 году в университете Ростока Стеффен благополучно стал доктором наук [9. S. 256], повторив путь своих выдающихся соотечественников — основателя геополитики Рудольфа Челлена, географа и путешественника Свена Хедина, юриста и обществоведа Понтуса Фальбека, также защищавших свои работы в Германии [2; 3].

Поскольку получить должность при университетах Берлина или Кельна Стеффену не удалось, он после долгих лет в континентальной Европе вернулся в Швецию, где и стал первым в стране профессором социологии и политэкономии. Такое совмещение наук на одной кафедре не должно удивлять: как справедливо указывает П. Виссельгрэн, сто лет назад границы между общественными науками были очень размытыми, и даже великие М. Вебер и Э. Дюркгейм далеко не сразу смогли стать в представлении коллег «чистыми социологами» [22. S. 80—82]. Сам Стеффен несколько тяготился новой должностью, так как не имел контактов с научным миром Гетеборга ранее и закономерно оказался там в определенной изоляции.

Рубежом в творческом развитии Стеффена как социолога стали 1907—1909 годы, когда он вместе с остальным научным миром Швеции подвергся влиянию пришедшего в Скандинавию «бергсонизма». «Интуитивная философия» Анри Бергсона подвигла Стеффена изменить методологию социальных исследований: отныне он стал интересоваться уже не столько сбором эмпирических данных, сколько вопросами взаимоотношений индивида, природы и общества [8. S. 50]. «Первая волна» шведской социологии в лице Стеффена и отчасти П. Фальбека своей стала историоцентричной, «квалитативной», нацеленной на широкие научные обобщения (в то время как послевоенная социология в Швеции оставалась по преимуществу прагматически ориентированной, количественной и направленной на решение практических задач) [22. S. 77—78]. Эволюцию эклектичного научного подхода Стеффена демонстрирует его многотомный труд *Sociala Studier* (1905—1912).

Параллельно с научной активностью в указанные десятилетия ученый делает первые шаги в шведской политике. Отталкиваясь от собственных «культурно-идеалистических взглядов» и политической программы немецкого «ревизиониста» Э. Бернштейна, он формулирует ряд социал-реформистских постулатов: социалистическое общество является отдаленной целью, но долгое время в Швеции будет существовать регулируемый «частный капитализм»; необходимо добиться выравнивания доходов различных слоев населения путем перераспределения национального богатства; государство должно обеспечить прожиточный минимум наиболее бедным гражданам, ввести «всеобщий общественный стандарт качества жизни»; при этом должна быть сохранена свобода предпринимательства и открытия новых средних и мелких предприятий как основы нынешнего благосостояния [20].

Политическая программа Стеффена, а также его искренняя вера в то, что назревшие социальные реформы важнее увеличения национального дохода, привлекли внимание Яльмара Брантинга, лидера Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ), и в 1910 году он стал ее членом. «Ревизионистские» взгляды гетеборгского профессора встретили отпор радикально настроенных младосоциалистов во главе с Ф. Стремом и П.-А. Ханссоном, однако были поддержаны партийным руководством и более консервативными членами СДРПШ вроде Эрика Пальмшерны, который позднее отметил явную пользу вхождения Стеффена в партию, его вклад в теоретическую разработку проблем социализма в Швеции [10].

При поддержке СДРПШ в 1910 году Стеффен избирается в первую, аристократическую и «буржуазную» палату риксдага от Стокгольмского округа. Он останется депутатом вплоть до 1916 года будет членом ряда парламентских комиссий, запомнится современникам как незаурядный оратор [20]. В начале 1914 года социолога, наконец, пригласят преподавать в Берлинский университет, однако возвращению Стеффена в Германию помешает война.

Разразившаяся в августе 1914 года Первая мировая война поставила шведских интеллектуалов перед серьезным выбором: поддержать ставший доброй традицией и экономически оправданный шведский нейтралитет или высказать свою поддержку одной из воюющих сторон.

Поскольку «Великая война» 1914—1918 годов стала неслыханным потрясением для всей Европы, пространства для рационального выбора почти не осталось. Представители научной и культурной элиты воюющих стран — России, Англии, Германии, Франции — в основной своей массе стали фанатично поддерживать свои правительства из патриотических побуждений, позабыв обо всех былых противоречиях и положившись сугубо на личные чувства и веру в предстоящую победу. Подобным образом мыслили и интеллектуалы нейтральной Швеции, делая не логический, а эмоциональный выбор в вопросах моральной поддержки той или иной воюющей державы. Поэтому, как только началась война, Стеффен на время отложил социологические исследования и всеми силами старался обос-

новать участие Германии в войне, оправдать немцев и разоблачить их врагов [2]. В войне он видел следствие империалистических противоречий и считал, что немцы достойны победы, учитывая «глубокую культурность» и «социальную конструктивность» германского империализма, что выгодно отличало его от английского, французского или русского. Немецкий империализм способен принести блестящее будущее народам Европы, — убеждал шведскую общественность Стеффен [3; 19. S. 163]. В одной из работ военного времени Стеффен практически с первых строк пишет об агрессии русских, англичан и французов на рубеже веков, утверждая, что «не Германия хотела этой войны» [15. S. 3—4]. Однако, как известно, большинство историков не согласны с этим [3].

Антиподом Германии как спасительницы Европы и главным врагом европейской цивилизации в работах Стеффена выступала Российская империя, казавшаяся ему культурно отсталой страной, варварским государством погромов [15. S. 85]. Стеффен полагал, что Россия намерена проводить экспансию в западном направлении (в том числе на Севере Европы [21. P. 12]), расширяя свою сферу влияния военным путем [3], а также путем возрождения «ночного кошмара панславизма». Исходя из этого, Стеффен оспаривал права Российской империи на некоторую часть ее западных территорий. В работе «Россия, Польша и Украина», вышедшей в 1915 году в США, он писал [2]: «„русские варвары“ на протяжении столетий беспощадно угнетали поляков и украинцев, чем совершили «преступление против природы и истории» [17. P. 29]. Эта несправедливость была тем больше, что, по мнению Стеффена, русские и украинцы (не говоря уже о поляках) — совершенно этнически чуждые друг другу народы: первые за годы монголо-татарского ига сильно перемешались с тюркскими народами, а украинцы за последние несколько столетий — напротив, с австрийцами, ведь они долгое время являлись подданными Австрийского королевства. Этот удивительный вывод служил доказательством справедливости войны всех немцев и восточноевропейских славян против угнетателей-русских и важности включения всей Украины в состав Австро-Венгрии, которая способна даровать подлинную свободу украинскому народу [3; 17. P. 36]. Соответственно, в начавшейся «Великой войне» вся Восточная Европа с помощью немецкого оружия должна была быть очищена от русского присутствия [17. P. 29].

Примечательно, что в той же книге Стеффен спорил с русским мыслителем П.А. Кропоткиным, упрекая его в субъективизме и наивной вере в то, что в случае победы над Германией Россия перейдет к демократическому правлению и дарует широкие права и свободы полякам и украинцам. Правда, собственного субъективного, пристрастного отношения к геополитическим вопросам шведский исследователь при этом не замечал. Позже Стеффен понял, что враждебные действия России по отношению к Центральной Европе не были самостоятельными — за спиной русских якобы стояли англичане. Теперь он утверждал, что война явилась следствием английской мировой экспансии, и идея завоевания мирового господства — главная цель Британской Империи [17. S. 5]. Соответственно, «грубой ошибкой» являлось в европейской публицистике военных лет применение

понятий «милитаризм» и «империализм» только по отношению к Германии. Скорее наоборот: немцы как «домашний народ Европы» были значительно менее склонны к военной экспансии, чем колониалисты-англичане [17. S. 14—15], которые, преследуя собственные цели, намеренно оклеветали Германию, столкнули ее с Россией и вызвали в Европе немотивированную «любовь к русским» [3; 17. S. 189].

Военные брошюры Стеффена, переведенные на немецкий язык и изданные большими тиражами в социал-демократическом издательстве в Йене, закономерно встретили сочувственные оценки в немецкой научной и политической среде. Однако эти работы, направленные на поддержку Германии, возмутили и пацифистски настроенных шведских социал-демократов, и англичан — в силу нападок автора на английскую политику. Так, разоблачению тезисов, изложенных Стеффеном в книге «Война и культура», посвящена работа шотландского журналиста Дж. Робертсона [14. P. 132], указавшего на крайний субъективизм и открытый «прогерманизм» автора [3]. В Швеции с резким осуждением взглядов Стеффена выступил его ученик, в будущем известный левый политик Эрнст Вигфорс [2]. Обстановка была настолько сложной, что на страницах своих брошюр Стеффен вынужден был отвечать на наиболее существенные доводы своих противников, например, на пассажи Эллен Кей о необходимости различать «Германию Гете» как страну высокой культуры и «Германию Бисмарка» как оплот «пруссачества» и источник войны [15. S. 245—247].

В конечном счете политические взгляды Стеффена оказались слишком милитаристскими и прогерманскими для СДРПШ, и в октябре 1915 года он вместе с придерживавшимися сходных взглядов Ингве Ларссоном и Отто Ярте был исключен из партии, сохранив место депутата в первой палате шведского парламента.

Пока исключенные с ним политики безуспешно пытались протестовать [2], Стеффен открыто иронизировал над решением Я. Брантинга и бывших соратников и утверждал, что его убеждения относительно сущности продолжавшейся мировой войны не были поводом для исключения из СДРПШ [7]. В соответствии с этими убеждениями Стеффен, несмотря на утрату партийной поддержки, предпринял попытку повлиять на шведскую внешнюю политику. На протяжении весны 1916 года он несколько раз брал слово в первой палате риксдага и в своих выступлениях настойчиво предлагал начать совместную операцию шведского флота с немецким с целью захвата принадлежавших России Аландских островов и создания на них шведских укреплений в стратегически важной части Балтийского моря. Однако министр иностранных дел Кнут Валленберг категорически отклонил его предложение и выразил решительный протест против продолжения «активистской прогерманской пропаганды» как дестабилизирующего фактора внутри страны [2; 13. S. 3—8]. Таким образом, политическая карьера Стеффена стремительно приближалась к закату.

Еще более негативным следствием политической активности Стеффена в военные годы стало падение интереса к его научным трудам. Историк и политик

Херберт Тингстен напишет позднее, что шведские ученые-прогерманисты (Челлен, Стеффен, Хедин, Фальбек) из-за своей прогерманской политической деятельности не смогли сохранить научную объективность, увлекшись эмоциональной рефлексией происходящего и абстрактными построениями. Они не сумели создать в Швеции эффективную «систему общественных наук», достойную развитой европейской страны. По большому счету представители шведской (и немецкой) науки и культуры — известные по всей Европе ученые, журналисты, писатели, философы — оказались в годы войны заодно с «пруссским лейтенантом» [2]. Факт снижения научного веса Стеффена в военное и межвоенное время сходным образом объясняют и современные шведские исследователи [8. S. 54; 23. S. 289].

В десятилетие, последовавшее за окончанием Первой мировой войны, Стеффен продолжил научную деятельность, однако прежней поддержки научного сообщества в Швеции, конечно, не имел. В научном плане наибольший интерес представляет его работа «Мировые эпохи» (*Världsåldarna, 1918—1920*), в которой он пытается проследить историю человечества с «механически эволюционных» позиций [8. S. 54]. Однако избранный умозрительный метод, вытекающий из его «социопсихологического» убеждения, что «социальное есть в основе своей психическое, а точнее — индивидуально-психическое», не смог привести к сколь-нибудь внятным и убедительным результатам, и работа осталась практически незамеченной современниками [10].

Вернулся Стеффен и к политической активности — в 1922 году он был восстановлен в СДРПШ, участвовал в правительственной «комиссии по социализации», установил личный контакт с новым лидером английских лейбористов Р. Макдональдом, на которого возлагал надежды на демократизацию и ограничение капитализма в Великобритании. Примечательно, что в своей последней публицистической работе «Демократия и международная политика» (*Demokrati och maktpolitik, 1927*) Стеффен одобрил сильное государственное вмешательство в экономику, что, по словам О. Лиллестама, подвело его взгляды «опасно близко» к одобрению авторитаризма, в скором времени воцарившегося во многих странах Европы [10; 11].

В 1929 году Густав Фредрик Стеффен скончался, и кафедра социологии и политэкономии в Гетеборге с его смертью прекратила свое существование. До возрождения шведской социологии оставалось еще почти двадцать лет...

Итак, период научной, публицистической и политической активности Густава Стеффена охватывает без малого четыре десятилетия: от его первых марксистских работ конца 1880-х годов до политических заметок середины 1920-х. Относительно политической деятельности Стеффена можно констатировать, что она была сравнительно неудачной: он был изгнан из набиравшей силу СДРПШ в разгар Первой мировой войны, позднее восстановлен, но лишен прежнего влияния; переизбраться в риксдаг самостоятельно в 1916 году Стеффену не удалось. Что каса-

ется его воззрений на международную политику в преддверии и в годы «Великой войны», то поражение Германии и Австро-Венгрии в 1918 году, а также последовавший крах этих империй с достаточностью убедительностью показали заблуждения ученого.

Намного сложнее дело обстоит с научным наследием Стеффена и его местом в истории шведской и, шире, европейской социологии. На первый взгляд, Стеффен представляется научным маргиналом — ему не удалось привлечь к сотрудничеству известных исследователей или воспитать выдающихся последователей, поэтому социологические исследования в Гетеборге закономерно прервались после его смерти [23. S. 288—289].

Стеффен не создал свою школу, поэтому его влияние на дальнейшее развитие скандинавской социологии представляется «сравнительно небольшим» [22. S. 74—75]. В современной литературе можно даже встретить мнение, что первая эпоха шведской социологии не состоялась, поскольку шведская социальная наука якобы шла по неверному пути и была иной, нежели прикладные исследования, развернувшиеся в стране после 1947 года. Эту «ошибочную» эпоху представляли Г. Стеффен и П. Фальбек, занимавшиеся анализом больших статистических данных и проблемами генезиса общественных явлений, а в области методологии излишне полагавшиеся на разработки абстрактной и умозрительной немецкой науки того времени [22. S. 75—76].

Свою лепту в искажение представления о подлинной роли Стеффена в становлении шведской социологии внес и глава послевоенной школы Т. Сегерштедт: в 1987 году он написал, что роль Стеффена заключается в выделении «исторических эпох» человечества, а также в журналистских и публицистических работах [8. S. 45]. Возможно, «отец» послевоенной шведской социологии намеренно затушевывал значение работ Стеффена, чтобы на их фоне выгодно представить собственные достижения.

В действительности значение научного наследия Стеффена для шведской и европейской социологии может быть представлено, как минимум, в трех аспектах: (1) социологическая трактовка «интуитивной философии» А. Бергсона, которая требовала внимания к проблемам реальных людей и учета социальных обстоятельств их жизни, оказалась достаточно плодотворной (а методологический потенциал «бергсонизма» в социологии не исчерпан и по сей день); (2) принципиальная «историоцентричность» социологии Стеффена, имеющая свои корни в научной традиции Швеции и Германии, также представляется одним из мощнейших ресурсов развития европейской социологии; (3) эклектичность построений Стеффена может трактоваться как необходимая сегодня междисциплинарность социологической науки, в которой многие исследователи видят выход из ряда логических тупиков современных социогуманитарных наук.

В свете сказанного выше можно утверждать, что никакого принципиального разрыва в шведской социологической традиции не существует. Густав Стеффен, подлинный пионер новой научной дисциплины в Швеции, стал связующим звеном

между попытками поставить социальные вопросы в середине XIX века, работами Нобелевских лауреатов супругов Мюрдаль в 1930-е годы и вдохновленной американскими исследованиями школой Сегерштедта [22. S. 112]. Таким образом, даже самые забытые фигуры в истории социальной науки сохраняют актуальность, что прекрасно доказывает «казус Стеффена» в истории шведской социологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гладышева Е.В.* Влияние нравственных ценностей на успешность экономической деятельности (на примере отечественных предпринимателей XIX—XX вв.) // Российский технологический журнал. 2017. Т. 5. № 4.
- [2] *Гриценко С.А.* «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905—1916). Дисс. ... к.и.н. М., 2017.
- [3] *Гриценко С.А.* Россия и Германия в трудах Густава Стеффена // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории Нового и Новейшего времени. М., 2015.
- [4] *Кан А.С.* История Швеции. М., 1974.
- [5] *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1994.
- [6] *Новикова И.Н.* Между молотом и наковальней: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.
- [7] De socialdemokratiska aktivisterna // Kalmar. 1915. October 29.
- [8] *Eriksson I.* Den svenska sociologins dolda historia — fallet Gustaf Steffen // Sociologisk Forskning. 1994. Vol. 31. No. 3.
- [9] *Gustafsson A.* Mellan „höger och vänster“. Branting och Palmstjerna // Bilder av Branting. Stockholm: Tiden, 1975.
- [10] *Lilliestam Å.* Gustaf F. Steffen // <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Mobil/Artikel/20049>
- [11] *Lilliestam Å.* Gustaf Steffen: samhällsteoretiker och idépolitiker. Stockholm: Akademiförlaget-Gumperts, 1960.
- [12] *Magdalen S.* Några iakttagelser om sociologins historia — och samtid // Sociologisk Forskning. 2007. Vol. 44. No. 2.
- [13] Riksdagens protokoll. Första kammaren. Tredje bandet. 1916. No. 70.
- [14] *Robertson J.M.* War and Civilization. An Open Letter to a Swedish Professor. L.: E.P. Dutton & Co., 1916.
- [15] *Steffen G.* Demokratie und Weltkrieg. Jena: Eugen Diederichs, 1916.
- [16] *Steffen G.* England als Weltmacht und Kulturstaat. Bd. 2. Stuttgart: Hobbing und Buechle, 1907.
- [17] *Steffen G.* Krieg und Kultur. Jena: Eugen Diederichs, 1915.
- [18] *Steffen G.* Russia, Poland and the Ukraine. Jersey: Ukrainian National Council, 1915.
- [19] *Steffen G.* Weltkrieg und Imperialismus. Jena: Eugen Diederichs, 1915.
- [20] Steffen, Gustaf Fredrik // Nordisk familjebok. 2:a upplagan. Stockholm: Nordisk Familjeboks Forlags Aktiebolag, 1917.
- [21] *Tingsten H.* The Debate on the Foreign Policy of Sweden. 1918—1939. L.: Oxford University Press, 1949.
- [22] *Wisselgren P.* Sociologin som inte blev av: Gustaf Steffen och tidig svensk socialvetenskap // Sociologisk Forskning. 1997. Vol. 34. No. 1—2.
- [23] *Zetterberg H.L.* Traditioner och möjligheter i nordisk sociologi // Sociologisk Forskning. 2013. Vol. 50. No. 3—4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-238-249

GUSTAF STEFFEN AS A SOCIOLOGIST AND POLITICIAN*

S.A. Gritsenko, N.I. Chernova

Moscow Technological University (MIREA)
Prosp. Vernadskogo, 78, Moscow, Russia, 119454
(e-mail: gricenko@mirea.ru, chernova@mirea.ru)

Abstract. The authors conduct analysis of the scientific and publicist legacy of the Swedish sociologist Gustaf Steffen in the framework of the Swedish and European history at the turn of XIX—XX centuries based on the scientific and political works of G. Steffen, his contemporaries' responses to these works, mass media reports and a number of official acts of the Riksdag while Steffen was a member of it. In different periods of his life, Steffen's methodology combined elements of Marxism, Nietzsche's "elitist ideas", both M. Weber's and G. Simmel's German school tradition, and "intuitive philosophy" of H. Bergson. In general, Steffen's sociology can be considered a theoretical macro-analysis of the society's historical development. Although Steffen was the first professor of sociology in the Swedish history (1902), he did not manage to create a scientific school, and after his death in 1929, the development of Swedish sociology was interrupted for almost twenty years. Only after the Second World War T. Segerstedt (Jr) established a school following the American scientific tradition of pragmatic analysis based on quantitative methods. The main reason for the scientific isolation of Steffen was his pro-German position in the First World War: as an 'activist' he aimed at drawing Sweden into the war on the German side, but failed and finished his political career in the early 1920s. There are some features the Swedish sociological tradition inherited from Steffen's theory — "Bergsonism" in the form of analysis of social circumstances of individual life, principal "historicism", and interdisciplinarity. Thus, Steffen is a true pioneer of the Swedish sociology whose ideas are still relevant.

Key words: Gustaf Steffen; Torgny Segerstedt (Jr.); history of sociology; Swedish sociology; history of Sweden; First World War; 'pro-Germanism'; Swedish domestic and foreign policy

REFERENCES

- [1] Gladysheva E.V. Vlijanie npravstvennyh tsennostej na uspeshnost ekonomicheskoy dejatel'nosti (na primere otechestvennyh predprinimatelej XIX—XX vv.) [Moral values' impact on the success of economic activities (on the example of Russian entrepreneurs in the XIX—XX centuries)]. *Moskovskij Tekhnologicheskij Zhurnal*. 2017: 5 (4) (In Russ.).
- [2] Gritsenko S.A. *Progermanizm v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Shvetsii (1905—1916)* ['Pro-Germanism' in the Swedish Social-Political Life in 1905—1916]. PhD thesis. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [3] Gritsenko S.A. Rossiya i Germaniya v trudah Gustava Steffena [Russia and Germany in Gustaf Steffen's Writings]. *Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy arkhografii, istochnikovedeniya, otechestvennoj i vseobshhej istorii Novogo i Novejshego vremeni*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [4] Kahn A.S. *Istoriya Shvetsii* [History of Sweden]. Moscow; 1974 (In Russ.).
- [5] Månsson P. *Lodka na alleyakh parka. Vvedenie v sotsiologiyu* [A Boat on the Parkways. Introduction to Sociology]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [6] Novikova I.N. *Mezhdú molotom i nakovalnei: Shvetsiya v germano-rossijskom protivostoyanii na Baltike v gody Pervoi mirovoi voiny* [Between the Hammer and the Anvil: Sweden in the German-Russian struggle in the Baltic in the First World War]. Saint Petersburg; 2006 (In Russ.).

* © S.A. Gritsenko, N.I. Chernova., 2017.

- [7] De socialdemokratiska aktivisterna. *Kalmar*. 1915; October 29.
- [8] Eriksson I. Den svenska sociologins dolda historia — fallet Gustaf Steffen. *Sociologisk Forskning*. 1994; 31 (3).
- [9] Gustafsson A. Mellan “höger och vänster”. Branting och Palmstjerna. In: Lindhagen J. (Ed.). *Bilder av Branting*. Stockholm: Tiden; 1975.
- [10] Lilliestam Å. Gustaf F Steffen. <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Mobil/Artikel/20049>.
- [11] Lilliestam Å. *Gustaf Steffen: samhällsteoretiker och idépolitiker*. Stockholm: Akademiförlaget-Gumperts; 1960.
- [12] Magdalen S. Några iakttagelser om sociologins historia — och samtid. *Sociologisk Forskning*. 2007; 44 (2).
- [13] Riksdagens protokoll. Första kammaren. 1916; 3 (70).
- [14] Robertson J.M. *War and Civilization. An Open Letter to a Swedish Professor*. London: E.P. Dutton & Co.; 1916.
- [15] Steffen G. *Demokratie und Weltkrieg*. Jena: Eugen Diederichs; 1916.
- [16] Steffen G. *England als Weltmacht und Kulturstaat*. Band 2. Stuttgart: Hobbing und Buechle; 1907.
- [17] Steffen G. *Krieg und Kultur*. Jena: Eugen Diederichs; 1915.
- [18] Steffen G. *Russia, Poland and the Ukraine*. Jersey: Ukrainian National Council; 1915.
- [19] Steffen G. *Weltkrieg und Imperialismus*. Jena: Eugen Diederichs; 1915.
- [20] Steffen, Gustaf Fredrik. *Nordisk familjebok*. 2:a upplagan. Stockholm: Nordisk Familjeboks Forlags Aktiebolag; 1917.
- [21] Tingsten H. *The Debate on the Foreign Policy of Sweden. 1918—1939*. London: Oxford University Press; 1949.
- [22] Wisselgren P. Sociologin som inte blev av: Gustaf Steffen och tidig svensk socialvetenskap. *Sociologisk Forskning*. 1997; 34 (1—2).
- [23] Zetterberg H.L. Traditioner och möjligheter i nordisk sociologi. *Sociologisk Forskning*. 2013; 50 (3—4).